

Философия. История философии

УДК 27-1

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-10-30

Понимание и предпонимание в теологической герменевтике

Светлана А. Коначева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, konacheva@mail.ru*

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ трактовки теологической герменевтики в работах Карла Барта и Рудольфа Бульмана. Выявляются особенности их понимания цели и задач теологической герменевтики, ее соотношения с философской герменевтикой, проблемы предпонимания и герменевтического круга. Герменевтика Барта является частью догматики; герменевтический вопрос – это вопрос о том, как адекватно говорить об Откровении Бога в истории. Бог никогда не должен становиться объектом наших интерпретаций, но всегда должен оставаться субъектом, который интерпретирует нас. Герменевтика Барта характеризуется предварительным постижением теологического смысла Библии, которым для него является инаковость Бога. Бульман стремился разработать адекватное описание человеческой ситуации, в которой библейские тексты способны говорить с нами, пытался прояснить предпонимание, формальные условия процесса библейской интерпретации. Поскольку все человеческое знание о Боге – это интерпретированное знание, теологу, размышляющему об этом процессе интерпретации, необходимо осмыслить концептуальные рамки, в которых он интерпретирует. Для Бульмана, в отличие от Барта, открытое обсуждение предпосылок любого подхода к текстам не должно рассматриваться как детерминация нашего понимания этих текстов.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, предпонимание, Откровение, демифологизация

Для цитирования: Коначева С.А. Понимание и предпонимание в теологической герменевтике // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 1. С. 10–30. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-10-30

© Коначева С.А., 2023

Understanding and preunderstanding in theological hermeneutics

Svetlana A. Konacheva

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia, konacheva@mail.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis for the interpretation of theological hermeneutics in the works of Karl Barth and Rudolf Bultmann. The author considers the specifics in their understanding of the purpose and tasks of theological hermeneutics, its relationship with philosophical hermeneutics, the issues of preunderstanding and the hermeneutic circle. Barth's hermeneutics is part of dogmatics; the hermeneutic question is the question of how we can adequately speak of God's revelation in history. God must never become the object of our interpretations, but must always remain the subject who interprets us. Barth's hermeneutics is characterized by a preliminary comprehension of the theological meaning of the Bible, which for him is the "otherness" of God. Bultmann sought to develop an adequate description of the human situation in which biblical texts are able to speak to us, tried to clarify preunderstanding, the formal conditions for the process of biblical interpretation. Since all human knowledge of God is interpreted knowledge, the theologian who reflects on that process of interpretation needs to reflect on the conceptual framework in which he is interpreting. For Bultmann, unlike Barthes, an open discussion in the presuppositions of any approach to texts should not be seen as determination of our understanding of those texts.

Keywords: hermeneutics, interpretation, preunderstanding, Revelation, demythologization

For citation: Konacheva, S.A. (2023), "Understanding and preunderstanding in theological hermeneutics", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 10–30, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-1-10-30

Вопрос о специфике теологической герменевтики как особом типе герменевтического исследования постоянно оказывается в центре внимания theologов. С одной стороны, теология была источником герменевтики, и

...любая герменевтика даже сегодня, будь то герменевтика философии, искусства, права, науки и т. д., сохранила что-то от своего теологического происхождения [Manoussakis 2016, p. 530].

С другой стороны, применение в теологической герменевтике методических принципов общей герменевтики (предпонимание, герменевтический круг и т. д.) зачастую оказывается камнем преткновения. Когда речь идет об интерпретации Слова Божьего, расшифровке божественного послания, исходным моментом оказывается «фундаментальное несоответствие между божественным Логосом и человеческой логикой» [Manoussakis 2016, p. 530]. Как в этом контексте возможно понимание, как возможна человеческая интерпретация божественного Откровения, которая соответствовала бы Откровению?

В XX в. эти вопросы теологической герменевтики становятся одним из ключевых моментов религиозно-философских дискуссий. Причины этого можно найти как в интенсивной дискуссии между теологами и современными философами, так и в появлении новых практик библейской интерпретации. Эти причины, конечно, взаимосвязаны, поскольку поиск новых экзегетических методов в XX в. вновь направил внимание теологов в сторону философских размышлений о принципах интерпретации текста. Особую роль в трансформации самопонимания теологической герменевтики сыграла философская мысль Мартина Хайдеггера, чьи работы оказали огромное воздействие на герменевтику таких протестантских теологов, как Р. Бультман, Г. Эбелинг и Э. Фукс. После того как катастрофа Первой мировой войны поставила под вопрос многие ключевые положения либеральной теологии, хайдеггеровский феноменолого-экзистенциалистский подход был встречен теологами как обещание нового метода мышления. Чисто исторический подход к библейской экзегезе и теологии, который возник в XIX в., оказался неспособен дать конкретные ответы о христианской жизни в радикально изменившемся мире. В этот момент философия Хайдеггера, преодолевающая субъект-объектные схемы нововременной метафизики, обращенная к экзистирующему Dasein, чья «имманентность прорвана», казалась возможным основанием для интерпретации библейского провозвестия. Философия Хайдеггера представлялась той герменевтикой, которая «выявляет измерение жизни и ее структуры, и тем самым вводит в религиозное измерение» [Röggeler 2007, s. 9].

Однако не все теологи разделяли энтузиазм по поводу новых методологических подходов в герменевтике. Швейцарско-немецкий теолог Карл Барт, который вместе со своими коллегами-теологами подверг резкой критике протестантский либерализм, тем не менее отверг теологическую рецепцию философской герменевтики Хайдеггера. Для Барта любое тесное сотрудничество между теологией и философией представляло серьезную опасность для

теологии. Сравнительный анализ представлений Барта и Бульмана о герменевтике, предпринятый в статье, позволяет еще раз обратиться к вопросам об основаниях теологической герменевтики и критически рассмотреть отношения между теологической и философской герменевтикой.

Концепции герменевтики Барта и Бульмана складывались в критическом диалоге с принципами библейской интерпретации, сложившимися в XIX – начале XX в. Этот подход к интерпретации текста в теологии обычно называют «историцизмом» – более поздний термин, уже включающий в себя негативную оценку чисто исторического подхода, который доминировал в интерпретации текста. Для многих теологов конца XIX в. историко-критическое исследование библейских текстов казалось единственным адекватным академическим способом работы с текстами иудейско-христианской традиции. Историко-критическое исследование Библии можно рассматривать как один из ответов на вызовы, брошенные теологии со стороны рационализма эпохи Просвещения. Эти вызовы требовали от теологов пересмотреть как содержание, так и метод теологического мышления, продемонстрировать авторитетность своих исследований как с точки зрения их источников и методов, так и с точки зрения их свободы от опеки религиозных институтов.

Научное мировоззрение разрушило раннехристианскую концепцию мира и тем самым бросило вызов горизонту, в котором понимались библейские тексты. Теперь историко-критическое сознание поставило под сомнение порядок событий, а иногда и сами события, к которым эти тексты относятся. Говоря герменевтическим языком, сначала горизонт интерпретатора был поставлен под сомнение, а теперь надежность самих источников теологического мышления, т. е. библейских основ христианской веры и теологии, также оказалась проблематичной. Но вопрос о том, как интегрировать результаты такого историко-критического исследования в теологическое мышление, еще не был решен. Вместо того чтобы попытаться решить этот вопрос, историко-критическое исследование текстов развивалось в основном параллельно или даже за пределами собственно теологического мышления. Библейская экзегеза и систематическая теология пошли разными путями. Не имея возможности подробно рассматривать это направление, отметим два дискуссионных методологических момента историцизма в библейских исследованиях. Во-первых, он не смог преодолеть пропасть, разделяющую историю и веру; и, во-вторых, он предполагал возможность чисто объективного исследования. Однако ни одна перспектива чтения не является свободной от интересов. Текст еще не «понят», когда его происхождение критически проанализировано.

Именно поэтому Карл Барт и Рудольф Бультман требовали от приверженцев историко-критических методов более критического отношения к их собственному экзегетическому методу.

Герменевтика Откровения К. Барта

Карл Барт выстраивает свои принципы библейской герменевтики в послевоенной Европе, остро осознавая, что либо христианская вера сможет сказать нечто новое этому разрушенному миру, либо она разделит судьбу старых политических империй и идеологий. Барт с самого начала видел свою задачу в развитии «евангелической теологии», т. е. прежде всего в ответственной проповеди. Тем не менее в различных фрагментах своих богословских трудов Барт обсуждал эту практическую задачу библейской интерпретации в теоретическом ключе. В нашем анализе мы сосредоточимся главным образом на таких теоретических высказываниях в его «Послании к Римлянам», особенно в различных предисловиях, и в обеих частях первого тома его «Церковной догматики», где он рассматривает герменевтические проблемы довольно подробно.

Герменевтика Барта – это не вводные методологические размышления перед началом собственно теологии, не вопрос о том, как разработать соответствующую теорию понимания текста. Скорее, герменевтическая проблематика для него вырастает из собственно теологического вопроса: кто есть Бог и кто я? Она является частью догматики. Поэтому Барт начинает свою «Церковную догматику» с герменевтико-теологического вопроса: что есть Слово Божье и кто я по отношению к Божьему Слову? Герменевтический вопрос для Барта становится вопросом о том, как адекватно говорить об Откровении Бога в истории, т. е. как провозглашать Слово Божье сегодня так, чтобы оно действительно говорило о Боге.

В различных предисловиях к «Посланию к Римлянам» Барт описывал наше отношение к библейским текстам древнегерманским термином *Treue* (верность). Эта верность тексту не исключает критического осознания общей относительности всех человеческих слов, даже слов апостола Павла. Однако поиски Барта не ограничивались подробным историческим и экзегетическим исследованием слов или концепций. Скорее он стремился пролить свет на предмет текста, «дух Библии»¹. Поэтому он требовал, чтобы сторонники «историко-

¹ *Барт К.* Послание к Римлянам / Пер. с нем. В. Хулапа. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. С. XXVII.

критического метода были более критичными»², чтобы различить, какова на самом деле тема этого текста и что он требует от нас. Барт обозначал ключевую тему библейских текстов следующим образом:

Бог на небе, а ты на земле. Отношения *этого* Бога к *этому* человеку и отношение *этого* человека к *этому* Богу является для меня одновременно темой Библии и суммой философии³.

Барт понимал Библию как свидетельство о свободно данном Богом Откровении. Считая решающим фактором истолкования «внутреннюю диалектику предмета и ее осознание в тексте»⁴, он допускал понимание общего смыслового содержания Библии до того, как фактически осуществляется истолкование конкретного библейского текста. Как у Августина и Мартина Лютера, герменевтика Барта характеризуется предварительным постижением теологического смысла Библии: для Августина это «любовь», для Лютера – «оправдание верой», для Барта – «инаковость Бога». По мнению Барта, правильное прочтение Библии должно избегать вовлеченности в человеческие разговоры, вчитывания в текст, *eisegesis*. Скорее, толкователь должен прислушиваться к человеческим словам Библии, через которые Слово Божье может раскрыться. «Божественное Откровение в человеческом слове Священного Писания не только хочет, но и может соделать себя высказанным и услышанным»⁵. Но откуда мы знаем, что Откровение Бога делает себя услышанным через опосредованное свидетельство этих текстов? Барт отвечает: «Мы верим вместе с Церковью, что Священное Писание как изначальное и легитимное свидетельство Божественного откровения само является Словом Божьим»⁶. Эта вера должна предшествовать нашей экзегезе и нашим теологическим размышлениям. Поэтому Барт мог сказать, что теология всегда находится «под Библией». Когда Писание действительно становится для нас Словом Божьим, Откровением Бога, то это, согласно Барту, само по себе является чудесным событием божественной свободы. Оно может быть принято только верой. Вне этой веры и Слова, призвавшего к вере, у теологической герменевтики нет твердой почвы. Барт

² Там же. С. XXXV.

³ Там же. С. XXXVII.

⁴ Там же. С. XXXVI.

⁵ Barth K. Die Kirchliche Dogmatik. Bd. 1. Hbd. 1. 3. Auflage. Zürich: Evangelischer Verlag, 1945. S. 471.

⁶ Barth K. Die Kirchliche Dogmatik. Bd. 1. Hbd. 2. 3. Auflage. Zürich: Evangelischer Verlag, 1945. S. 502.

осуждал тот библеизм, который ошибочно отождествляет букву и дух текста. Библия не является непогрешимой, это человеческая книга, но книга, которая свидетельствует о трансцендентном Слове Бога. Присутствие Слова Божьего преобразует реальность книги, но это преобразование не означает, что именно силой книги Откровение действительно происходит. Авторитет Библии основан на том, что это Откровение может произойти, но событие Откровения – это свободная деятельность Бога, а не Библии. Все христиане приглашаются к участию в объяснении библейских текстов. При этом все христиане должны принять фундаментальное правило для всякого толкования Библии: «свободно совершаемый акт подчинения всех человеческих представлений, идей и убеждений свидетельству Откровения, представленному нам в Писании»⁷. Таким образом, основным способом библейской интерпретации для Барта оказывается подчинение и послушание, эти термины Барт использовал для того, чтобы подчеркнуть абсолютный приоритет Писания перед всеми нашими эмоциями, аксиомами, системами, философиями и т. д. Никакой метод интерпретации, никакая герменевтика никогда не смогут раскрыть Откровение Бога. Поэтому единственным ответом для читателя Библии остается послушание и готовность позволить Библии толковать его самого, позволить Святому Духу произнести слово суждения о читателе через текст. Барт находит основания этого принципа библейской интерпретации в содержании Писания: «содержанием Библии и объектом ее свидетельства является Иисус Христос как слово Бога, который милостиво обращается с человеком-грешником»⁸. Признание этого содержания исключает любую автономную деятельность нашего собственного мышления: «Свидетельство Библии... и автономия нашего собственного мира мысли – это невозможная герменевтическая программа»⁹.

Обозначенный принцип библейской интерпретации определил три практических шага, которые Барт рекомендовал для детального объяснения библейских текстов.

1. Наблюдение, направленное на литературное и историческое представление структуры и смысла текста.

2. Рефлексия, направленная на размышление вместе с текстом и оценку текста. Барт соглашается с тем, что ни один читатель не может мыслить вместе с текстом без определенных герменевтических ключей. Решающим моментом для Барта оказывается не то,

⁷ Ibid. S. 715.

⁸ Ibid. S. 720.

⁹ Ibid. S. 721.

что мы подходим к тексту с определенными формами мышления (*Denkweisen*), но в том, что все эти философские размышления носят лишь экспериментальный характер и не должны определять наше чтение. «Я должен помнить о разнице между моим образом мысли и образом мысли Писания, о существенной непригодности средств, используемых мной»¹⁰.

3. Присвоение. Этот шаг библейской интерпретации соответствует классическому понятию *usus scripturae* (различные варианты использования Писания). Он связан с применением, которое, однако, не означает, что мы используем Писание в своих собственных целях, но скорее предполагает, что мы должны позволить Писанию взять нас в свои руки для осуществления божественных целей. Единственным адекватным ответом человека на Слово Божье становится полнота веры.

Таким образом, для Барта истинная критика означала серьезное отношение к смыслу текста, и, в случае библейских текстов, это означало готовность принять тот факт, что текст критически относится к читателю. Библейский текст вызывает кризис у серьезного и внимательного читателя. Эберхард Юнгель, ученик и один из самых ярких интерпретаторов теологии Барта, указывал, что Барт получил смысловой критерий для своей герменевтики через чтение Послания апостола Павла к Римлянам. Особый опыт Барта в интерпретации этого текста привел его к принятию аксиомы «Бог есть Бог», которую он затем применил ко всем библейским текстам. Юнгель напоминает, что эта аксиома на самом деле является интуицией естественной теологии. Но, в отличие от традиции естественной теологии, тавтология Барта используется не для того, чтобы

...закрепить существование Божества, божественной сущности, но для того, чтобы подчеркнуть радикальное различие между божественной сущностью, божественностью Бога, и всеми небожественными сущностями [Jüngel 1982, s. 94].

Более того, Барт хотел, чтобы через эту аксиому о божественности Бога мы читали каждый текст, а не только библейские и религиозные тексты. Именно поэтому он мог сказать, что мы не нуждаемся в особой теологической науке (*Wissenschaft*) и что все науки, которые занимаются объяснением и пониманием, в конечном счете, занимаются теологией. Другими словами, библейская герменевтика не обязательно должна отличаться от общей герме-

¹⁰ Ibid. S. 731.

невтики. Только потому, что общая герменевтика не согласна с этой базовой аксиомой, мы нуждаемся в библейской герменевтике для того, чтобы нам напомнили о сути дела всякого подлинного понимания.

Если аксиома «Бог есть Бог» легла в основу чтения Бартом Послания к Римлянам, его «Церковная догматика» скорее аксиоматически определена осознанием того, что Бог явил Себя в Иисусе Христе, чтобы показать свою вечную любовь к нам, людям. Это понимание родилось уже не из естественного богословия, а из герменевтического опыта работы Барта с текстами Нового Завета. Однако здесь действовала еще одна аксиома: библейский текст интерпретирует сам себя. Барт применил эту аксиому не только против либеральной теологии, но и против философских размышлений об условиях и методах библейской интерпретации, как они предпринимались в теологии от Шлейермахера до Бульмана.

Керигматическая герменевтика Р. Бульмана

Рудольф Бульман признавал важную роль рефлексии о природе связующего звена между самооткровением Бога и человеческим пониманием божественной деятельности среди нас. Поэтому он пытался прояснить условия человеческого понимания и ощущал необходимость вступить в диалог с философской герменевтикой. Размышления Бульмана о философской герменевтике находятся в традиции Шлейермахера.

Оба теолога занимались философской герменевтикой, чтобы трансформировать герменевтику теологическую. Герменевтическая программа Бульмана и его анализ подлинности христианского существования во многом обязаны философии Хайдеггера¹¹. Но это не значит, что собственные размышления Бульмана были не более чем простой проекцией философии Хайдеггера на теологию. Он пытался разработать теологию, которая была бы вовлечена как в критический диалог с другими методами интерпретации текста и мира, так и в критическую интерпретацию своих собственных текстуальных источников и традиций.

Бульман обращался к проблемам герменевтики на протяжении всего своего творчества. Как и Карл Барт, он был не удовлетворен историцистской экзегезой. Вместо точного выяснения того, что было сказано на определенном этапе христианской традиции, Бульман хотел понять, что этот текст означает для его собственного времени. Он также не пытался вступить в теорети-

ческое обсуждение вопроса, что значит слово «Бог», но стремился прояснить смысл того, что человек подразумевает под Богом, показать, как возможно говорить о Боге надлежащим образом. С помощью максимально адекватной герменевтики Бультман уходит от метафизико-гносеологической дискуссии, демонстрируя, что традиционная теология, размышлявшая о первопричине, Всемогущем Боге как реальности, определяющей все сущее, ушла от подлинного вопрошания о Боге:

Тот, кто познает действительность Бога через причины, может быть уверен, что ничего не охватил в божественной действительности; тот, кто говорит о Боге, с помощью доказательств бытия Бога, спорит о призраке¹².

Однако после того, как Барт и Бультман единодушно отвергли объективистские иллюзии исторической экзегезы, они разошлись в трактовке теологической герменевтики и разработали радикально отличные подходы к библейской интерпретации. В то время как Барт выступал за замкнутый теологический круг, в котором должен двигаться толкователь, Бультман признавал сложную ситуацию, в которой находится современный интерпретатор Библии. В своей статье «Проблема герменевтики» (1950) он попытался систематически прояснить условия, в которых современный человек сталкивается с библейскими текстами. Здесь Бультман ссылаясь на Шлейермахера и Дильтея, которые еще в прошлом столетии заново сформулировали принципы герменевтики, но их усилия не были полностью оценены последующими теологами. Он особенно высоко ценил обоих мыслителей за их осознание того, что простой анализ формальных составляющих текста еще не приводит к реальному пониманию того, что этот текст означает. Необходим дополнительный, субъективный шаг, благодаря которому интерпретаторы постигают предмет, соотнося его с собой. Шлейермахер называл этот аспект интерпретации «гаданием», а Дильтей рассматривал общий опыт человеческой жизни как основание, на котором строится любая конкретная интерпретация. Целью Шлейермахера было понимание человеческого разума, стоящего за текстом, а цель Дильтея – понимание жизни как таковой в ее различных формах. Оба мыслителя

¹¹ Подробно рецепция философии Хайдеггера в теологии Бультмана проанализирована в монографии: [Жоначева 2021].

¹² *Bultmann R. Welchen Sinn hat es, von Gott zu reden? // Bultmann R. Glauben und Verstehen. Gesammelte Aufsätze. Bd. 1. Tübingen: Mohr, 1965. S. 26.*

подчеркивали необходимость некой перспективы, через которую можно подойти к тексту. Бульман отмечал, что существует довольно много интерпретационных перспектив, кроме тех двух, которые использовали Шлейермахер и Дильтей, но при этом каждый акт интерпретации подразумевает использование такой определенной перспективы. Без конкретного вопроса о тексте у нас нет фокуса для нашего понимания того, что текст хочет передать. Таким образом,

...интерпретации всегда предпослано жизненное отношение к различным предметам, которые – прямо или косвенно – находят свое выражение в текстах¹³.

Другими словами, любая интерпретация подпитывается определенным предпониманием или, как сказал Бульман в другой статье:

Ни одна экзегеза не обходится без предпосылок, поскольку экзегет не является *tabula rasa*, но, напротив, подходит к тексту с конкретными вопросами или с конкретным способом постановки вопросов и таким образом, имеет определенное представление о предмете, с которым связан текст¹⁴.

«Перспектива», «предпосылки» и «предпонимание» – каждое из этих понятий указывает на то, что любой интерпретатор всегда уже движется в герменевтическом круге. Бульман перечислил ряд возможных интересов, которые могут мотивировать интерпретатора в его чтении – психологические, эстетические и исторические, а затем заключил:

Наконец, направленность интерпретации может быть задана интересом к истории как сфере жизни, в которой осуществляется человеческое *Dasein*, в которой мы приобретаем и развиваем наши возможности, и в которой, размышляя над этими возможностями, каждый из нас приходит к пониманию самих себя и своих собственных возможностей... Тексты, которые больше всего подходят для такого вопрошания, – это тексты философии, религии и поэзии. Но в принципе ему подлежат все тексты (как и история в целом)¹⁵.

¹³ *Bultmann R.* Das Problem der Hermeneutik // Gadamer H.G. und Boehm G. (hrsg.) Seminar Philosophische Hermeneutik. 2. Auflage Frankfurt am Main Suhrkamp, 1979. S. 244.

¹⁴ *Bultmann R.* Ist voraussetzungslose Exegese möglich // Bultmann R. Glauben und Verstehen. Gesammelte Aufsätze. Bd. 3. Tübingen: Mohr, 1965. S. 142.

¹⁵ *Bultmann R.* Das Problem der Hermeneutik. S. 254.

Бульманн, как и Шлейермахер до него, утверждал, что интерпретация Писания подлежит условиям понимания, которые не отличаются от тех, которые применяются к любым другим текстам. К Библии нужно подходить со всей филологической строгостью и инструментами формального анализа, но также с критически исследованным предпониманием ее предмета. В противовес Барту Бульманн подчеркивал, что даже осуществление божественного самооткровения в нашей человеческой истории зависит от некоторой формы предпонимания. Такое предпонимание провоцируется нашим экзистенциальным знанием о Боге. «Экзистенциальное знание о Боге присутствует в человеческом Dasein как вопрос о “счастье” или “спасении” или о смысле мира и истории, как вопрос о подлинности нашего собственного бытия»¹⁶. Поскольку все человеческое знание о Боге – это интерпретированное знание, важно, чтобы теолог, размышляющий об этом процессе интерпретации, осмыслил концептуальные рамки, в которых он интерпретирует.

В более поздней статье «Возможна ли экзегеза без предпосылок?» (1957) Бульманн сформулировал пять следствий, которые вытекали из его герменевтической программы: экзегеза библейских текстов должна быть свободна от «предубеждений», где предубеждение представляет собой преднамеренное, догматическое навязывание тексту; однако она никогда не бывает без предпосылок, поскольку как историческая интерпретация она предполагает метод историко-критического исследования; экзегезе предпослана жизненная связь между экзегетом и библейским текстом и возникающее в результате этого предпонимание; это предпонимание не закрыто, но открыто для трансформации; понимание текста никогда не может быть окончательным, поэтому смысл Писания каждый раз заново раскрывается в будущем.

Как и герменевтика Барта, теория интерпретации Бульмана бросила вызов историцистскому подходу к Библии, а также пыталась преодолеть раскол между библейской экзегезой и систематической теологией. Но, в отличие от Барта, герменевтика Бульмана вновь соединила теологию с философской герменевтикой. Бульман, развивая подход Шлейермахера и Дильтея в свете экзистенциалистской герменевтики Хайдеггера, акцентировал внимание не на реконструкции первоначального смысла текста, а на поиске смысловой интенции библейских текстов. Особенно ярко эти поиски проявились в его теории демифологизации, которая после того как была впервые сформулирована в 1941 г. в статье «Новый Завет и

¹⁶ Ibid. S. 257.

мифология»¹⁷, вызвала как бурю энтузиазма, так и резкую критику. Метод демифологизации Бульмана вытекает из его общих герменевтических представлений, которые мы попытались представить выше. Бульман критиковал любой акт интерпретации, в котором не были достаточно прояснены собственные герменевтические условия, т. е. своя концептуальность, предпонимание и лежащее в основе мировоззрение. Его метод демифологизации представлял собой его собственные усилия сделать свои герменевтические условия явными, особенно в отношении современного горизонта или мировоззрения, через которое он подходил к текстам Нового Завета. Древний мифологический способ говорить о деятельности Бога в мире, который повлиял на истоки христианства, не мог быть легко перенесен в наш собственный научный способ объяснения мира. Он нуждался в критическом переводе, это означало, что ему нужна критическая интерпретация.

Этот метод интерпретации Нового Завета, направленный на выявление более глубокого смысла мифологических представлений, я называю *демифологизацией*, несмотря на очевидную неудовлетворительность этого термина. Цель метода – не устранение мифологических выражений, а их интерпретация. Это метод герменевтики¹⁸.

Бульман не стремился избавиться от тех частей Нового Завета, в которых мы сталкиваемся с мифологическим языком, но настаивал на том, что эти мифы требуют особых герменевтических усилий со стороны теологического толкователя. Хотя наше обычное религиозное воображение вполне может быть способно соотнестись с этими мифологическими фрагментами в библейских текстах, наше систематическое теологическое мышление должно прежде всего признать, что в акте чтения этих текстов сталкиваются друг с другом два принципиально различных мировоззрения. Эта конфронтация требует понимания того, как мифы функционировали в древней модели мира, какое значение они имеют в контексте текста и как мы можем соотнестись с этим значением в контексте нашего собственного современного мира и наших религиозных поисков. Какой бы ни была критика конкретных герменевтических предложений Бульмана и его понимания концепции мифа, его большая заслуга состоит в том, что он ясно осознавал герменевтические

¹⁷ Бульман Р. Новый завет и мифология // Бульман Р. Избранное: Вера и понимание. Т. 1–2: Пер. с нем. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2004. С. 7–41.

¹⁸ Бульман Р. Иисус Христос и миф мифология // Там же. С. 214–215.

условия, в которых теологи должны интерпретировать библейские тексты в век разума и науки. Бульман никогда не утверждал, что научное мировоззрение является верным или более предпочтительным по сравнению с любым другим, но защищал обязанность теолога перевести христианскую веру на язык нашего современного мировоззрения и реальную возможность такого перевода. «Демифологизировать – значит отрицать, что весть Писания и Церкви связана с древним и устаревшим мировоззрением»¹⁹. Тем самым он пытался освободить христианина от сомнительных усилий, связанных с попыткой пожертвовать своей интеллектуальной целостностью, изменить мировоззрение и мыслить так, как это делал христианин II в. Как Августин и Шлейермахер до него, Бульман проводил тщательное различие между Библией и смыслом Библии. Мы верим не в Библию, а в то, что она может сказать нам сегодня. Более того, он настаивал на том, что только так мы можем с уверенностью признать инаковость и непостижимость Бога – только через признание условного характера всех человеческих разговоров о Боге (в то время как Барт, казалось, предполагал, что мы можем достичь неконтингентного разговора о Боге). Следовательно, мы можем оказаться на пути к подлинному пониманию «божественности» Бога, когда поймем, что ни одно мировоззрение никогда не сможет адекватно выразить природу Бога.

Бульман неоднократно подвергался критике со стороны Карла Барта и других теологов (Г. Кульман) за то, что он якобы навязывает Библии определенную философию. В ответ на эти нападки Бульман еще раз указал на необходимость четко заявить о своих герменевтических рамках. Каждая герменевтическая система основывается на какой-то философии. Следовательно, вопрос заключается в том, какая философия является «правильной», т. е. «какая философия сегодня предлагает наиболее адекватную точку зрения и наиболее адекватное представление для понимания человеческого существования»²⁰. Как мы уже отмечали, Бульман в качестве подобной философии принял экзистенциальную аналитику Хайдеггера, потому что она дала ему возможность понять человеческое существование. Для Бульмана встреча с мыслью Хайдеггера была важна прежде всего тем, что она «открывала новые перспективы герменевтики» [Ozankom 1994, s. 136]. По Хайдеггеру, понимание имеет фундаментальный характер, точнее представляет собой «экзистенциальную конституцию» *Dasein*. Это означает, что человек не «подручное», а «экзистирующее» сущее,

¹⁹ Там же. С. 223.

²⁰ Там же. С. 233.

т. е. может понять и истолковать себя, свое бытие. Существование и интерпретация, таким образом, принадлежат друг другу самым тесным образом. Такая трактовка понимания стала основой герменевтического принципа, который, согласно Бульману, предполагает, что подлинная интерпретация возможна только при наличии некоего духовного отношения между толкователем и автором.

Среди многочисленных реакций на программу демифологизации можно отметить позицию Поля Рикёра, который сосредоточился именно на герменевтической составляющей Бульмановского проекта. Рикёр видит заслугу Бульмана в том, что, в отличие от Шлейермахера и Дилтея, он развил свою герменевтику в направлении герменевтики смысла вместо герменевтики авторского намерения: «...вовсе не жизнь автора управляет пониманием, а сущность смысла, получающая свое выражение в тексте»²¹. Но в то же время Рикёр критиковал Бульмана за то, что тот недостаточно далеко зашел в своих герменевтических размышлениях. Он полагал, что Бульман выбрал слишком короткий путь от текстов к экзистенциальному смыслу вместо того, чтобы вступить на долгий путь интерпретации. Что имеет в виду Рикёр? Прежде всего он замечает, что Бульман был готов интерпретировать мифы как объективирующие выражения, но не предложил никакой теории интерпретации немифологических частей христианского провозвестия (керигмы). Бульман, «думается, считает, что язык, если он не объективирует, неполноценен. Но что в таком случае язык? И что он обозначает?»²². Бульмановское противопоставление объективирующего мифического выражения с одной стороны, и верующего решения – с другой, оказывается в известной мере наивным. Интерпретация мифа поощряется, но интерпретация других утверждений веры не рассматривается. Поэтому Рикёр предупреждает, что *sacrificium intellectus*, которого хотел избежать Бульман, признавая мифический характер многих библейских текстов, в некотором смысле теперь требуется от верующего, которому больше не нужно интерпретировать немифологические фрагменты Библии, когда он экзистенциально соотносится с ними. Другими словами, мы можем сказать, что герменевтика Бульмана недостаточно герменевтична.

Кроме того, Рикёр предупреждает нас, что исключительная сосредоточенность на противопоставлении мифа и керигмы заслоняет более важное различие между объективным значением и субъективным пониманием. Рикёр сравнивает проблему смысла

²¹ Рикёр П. Предисловие к Бульману // Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996. С. 125.

²² Там же. С. 131.

у Бульмана с проблемой знака у структуралистов: «последние держат сторону языка, Бульман – сторону “слова”»²³. И в то время как структуралистам стоило бы подумать о языке как о событии, Бульману не хватает мышления о языке как системе знаков. Рикёр полагает, что теологическая герменевтика призвана объединить два этих движения.

Текст не говорит ни о чем ином, кроме как об объективном смысле; без экзистенциального же присвоения того, что он говорит, невозможно существование живого слова. И задачей теории понимания является выражение этих двух моментов понимания как единого процесса²⁴.

Настоящая проблема герменевтики Бульмана, таким образом, заключается не в объективизации веры и не в растворении веры в разговорах о человеческом существовании, как предполагал Барт. Бульман не стремился ни к тому, ни к другому. Вместо этого действительно серьезная проблема заключается в том, что герменевтические размышления Бульмана слишком быстро заканчиваются принятием решения о вере, прежде чем будут рассмотрены все импликации библейского текста. Экзистенциальное решение критически обосновывается только тогда, когда процесс интерпретации позволил тексту полностью раскрыть свой призыв. Такое раскрытие смысла текста провоцирует веру и теологические размышления. Но это раскрытие – сложный процесс, который влечет за собой большой труд по объяснению. Либо текст предстает передо мной как *objectum*, т. е. как нечто, что лежит на моем пути и к чему я могу обратиться, либо он не защищен от растворения в моем простом мнении о том, что он представляет. Следовательно, критическая герменевтика должна включать в себя теорию языка в целом и текстуального означивания в частности. В этом контексте необходимо отметить, что Бульман для разработки своей теории интерпретации использовал философию Хайдеггера «до поворота», однако не обратился к поздней хайдеггеровской философии языка. Этот шаг сделает уже «новая герменевтика» (Э. Фукс, Г. Эбелинг).

Подводя итоги нашего анализа дискуссии Барта и Бульмана о принципах теологической герменевтики, отметим, что одним из существенных моментов теологического подхода к герменевтике является вопрос о том, в какой степени интерпретатор поясняет свои герменевтические рамки. Барт отверг всю линию герменевтики, начатую Шлейермахером, из опасения, что она может исказить самооткровение Слова Божьего, в то время как Бульман критиче-

²³ Там же. С. 133.

²⁴ Там же.

ски и конструктивно развил интуиции Шлейермахера и Дильтея, чтобы показать теологам необходимость критически осмыслить условия и цели интерпретации. Бультман искал адекватное описание человеческого ситуации, в которой библейские тексты способны говорить с нами, в которой эти тексты предостоят индивидуальному человеческому существованию. Он пытался прояснить предпонимание, формальные (т. е. лингвистические, философские, культурные, географические, исторические и т. д.) условия процесса библейской интерпретации, настаивал на том, что понимание библейских текстов невозможно без таких конкретных предпосылок. При этом Бультман, как и Барт, считал, что окончательное понимание, окончательное усвоение читателем Слова Божьего в Иисусе Христе на самом деле является достижением самого Бога в читателе. Бультман видел, что Бог действует в человеческом процессе толкования библейского провозвестия. Однако Барт отверг герменевтический подход Бультмана к библейским текстам, считая Бультмана жертвой философских решений, которые привели его к иллюзии, что какой-либо человеческий метод толкования Библии может быть достаточно адекватным для постижения божественного Откровения. Для Барта Бог никогда не должен становиться объектом наших методов, нашей герменевтики, наших интерпретаций, Бог всегда должен оставаться субъектом, который интерпретирует нас. Поскольку Бог говорит в истории, Бог интерпретирует историю. В соответствии с этим порядком человеческая деятельность не является присвоением Слова Божьего, но способом наилучшим образом соответствовать ему. Согласно Барту, Откровение не является предикатом истории, но история является предикатом Откровения. В противовес бартовскому полаганию определенности герменевтического опыта верующего читателя самим библейским текстом Бультман предположил, что мы должны заниматься библейской интерпретацией, чтобы увидеть, что эти тексты хотят сказать нам сегодня. Оба богослова желали защитить тексты от эй-сегезы (вчитывания в текст), оба осознавали человеческие условия чтения и размышляли о необходимости связующего звена между Богом и нами. Но они резко различались в своей отправной точке: для Бультмана точкой соединения между Богом и нами является сам герменевтический процесс, тогда как Барт начинает уже с позитивного факта божественного Откровения, о котором свидетельствует текст. Барт начинает *extra nos*, Бультманн – *intra nos*.

Несомненно, великим достижением Барта было то, что он обратил наше внимание на теологическое послание библейских текстов, заново открыл их коммуникативную перспективу. Для него библейские тексты – это прежде всего теологические тексты, они пере-

дают теологическое послание. Но остается вопрос, как мы можем раскрыть это послание сегодня, как мы можем читать эти тексты, признавая возможный плюрализм библейских толкований. Более того, почему ссылка Барта на деятельность Святого Духа в мире исключает наши критические размышления о наиболее адекватном методе изучения библейских текстов? В страстном призыве Барта к признанию радикального различия между Богом и человеком присутствует не только недооценка человечности Бога, как он сам позже признал, но и недооценка основного герменевтического условия, при котором мы это различие признаем.

Законные опасения Барта перед всеми философскими и другими возможными наложениями, определяющими библейскую интерпретацию, которые он видел как в либеральной, так и в естественной теологии, привели к тому, что он отверг размышления Бульмана об условиях человеческого понимания как неправомерную детерминацию текста²⁵. По мнению Барта, основой любой подлинной теологии должно быть превентивное кредо теолога. Соответственно, Барт ставил под сомнение любую теологическую программу, которая начиналась бы вне этого определения верой. В переписке с Бартом²⁶ Бульман признавал, что онтологические предпосылки Барта радикально отличались от его собственных. И вместе с тем он задал Барту вопрос: почему открытое обсуждение предпосылок любого подхода к текстам должно рассматриваться как определяющее наше понимание этих текстов? Конечно, все усилия по интерпретации обусловлены. Но есть большая разница между условиями и детерминацией. До тех пор, пока наше обсуждение условий интерпретации является действительно открытой дискуссией, непонятно, почему Дух Божий не может вести нас к все более глубокому пониманию истины Библии именно через такое обсуждение.

Наконец, необходимо отметить, что Барт и Бульман были едины в своей попытке защитить трансцендентность Бога вопреки всем теориям, которые утверждали, что «Бог» является лишь другим термином для обозначения смысла. В герменевтике Бульмана, поиск смысла подготовил человека к тому, чтобы прислушаться к текстам, которые говорят о Боге. Он показал, что библейские тексты способны заново обратиться к нам и призвать

²⁵ *Barth K.* “Rudolf Bultmann – An Attempt to Understand Him” // (ed.) *Kerygma and Myth: A Theological Debate. Vol. 2 / Ed. by H.-W. Bartsch.* London: SPCK, 1962. P. 97.

²⁶ *Karl Barth – Rudolf Bultmann.* Briefwechsel 1922–1966 // Jaspert B. (hrsg.) *Karl Barth Gesamtausgabe Abt. V: Briefe, vol. 1.* Zürich: Theologischer Verlag, 1971.

нас к мышлению о Боге. В герменевтике Барта, человек слушает библейские тексты для того, чтобы заново услышать Слово Божье, которое может заявить о себе через провозглашение божественного Откровения в этих текстах. Таким образом, и Барт, и Бультман утверждали, что в принципе библейские тексты способны функционировать как посредники божественного Откровения. Как позднее заметит Э. Фукс, Новый Завет сам по себе является учебником по герменевтике. Он учит герменевтике веры: «Текст толкуется, когда провозглашается Бог! Поэтому мы должны попытаться быть обращенными к тексту и идти вместе с текстом туда, куда он хочет нас привести. Но это повседневная жизнь. Во взаимодействии текста с повседневной жизнью мы переживаем истину Нового Завета. И самое замечательное, что эта книга сияет все ярче и ярче, чем сложнее становится повседневная жизнь. Бог намерен оставаться Богом. Возможно, это фундаментальное герменевтическое утверждение именно для нашего времени» [Fuchs 1964, p. 141].

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Мышление бытия и вера Откровения: пути соотношения в немецкоязычной протестантской теологии и русской религиозной философии XX века» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 21-011-44030.

Acknowledgements

The article was written as part of a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project “Thinking of Being and Faith of Revelation. Ways of Correlation in German-speaking Protestant Theology and Russian Religious Thought of the 20th Century”, no. 21-011-44030.

Источники

- Барт К.* Послание к Римлянам / Пер. с нем. В. Хулапа. М.: Библейско-богословский институт св.апостола Андрея, 2005. 580 с.
- Бультман Р.* Иисус Христос и мифология // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Т. 1–2: Пер. с нем. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2004. С. 211–248.
- Бультман Р.* Новый завет и мифология // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Т. 1–2: Пер. с нем. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2004. С. 7–41.
- Рикёр П.* Предисловие к Бультману // Рикёр П. Герменевтика и психоанализ.

Религия и вера. М.: Искусство, 1996. С. 116–136.

Barth K. Die Kirchliche Dogmatik. Bd. 1. Hbd. 1. 3. Auflage. Zürich: Evangelischer Verlag, 1945. 528 s.

Barth K. Die Kirchliche Dogmatik. Bd. 1. Hbd. 2. 3. Auflage. Zürich: Evangelischer Verlag, 1945. 1011 s.

Barth K. “Rudolf Bultmann – An Attempt to Understand Him” // *Kerygma and Myth: A Theological Debate*. Vol. 2 / Ed. by H.-W. Bartsch. London: SPCK, 1962. P. 83–132.

Karl Barth-Rudolf Bultmann. Briefwechsel 1922–1966. Jaspert B. (hrsg.) Karl Barth Gesamtausgabe Abt. V: Briefe, vol. 1. Zürich: Theologischer Verlag, 1971. 376 s.

Bultmann R. Das Problem der Hermeneutik // Gadamer H.G. und Boehm G. (hrsg.) Seminar Philosophische Hermeneutik. 2. Auflage Frankfurt am Main Suhrkamp, 1979. S. 239–266.

Bultmann R. Ist voraussetzungslose Exegese möglich // Bultmann R. Glauben und Verstehen. Gesammelte Aufsätze. Bd. 3. Tübingen: Mohr, 1965. S. 142–151.

Bultmann R. Welchen Sinn hat es, von Gott zu reden? // Bultmann R. Glauben und Verstehen. Gesammelte Aufsätze. Bd. 1. Tübingen: Mohr, 1965. S. 26–38.

Литература

Коначева 2021 – *Коначева С.А.* Бытие. Священное. Бог: Хайдеггер и философская теология XX века. 2-е изд. М.: РГГУ, 2021. 417 с.

Fuchs 1964 – *Fuchs E.* The New Testament and the Hermeneutical Problem // *The New Hermeneutic. New Frontiers in Theology II* / Ed. by J.M. Robinson, J.B. Cobb. New York: Harper & Row, 1964. P. 111–145.

Jüngel 1982 – *Jüngel E.* Barth-Studien. Zürich and Köln: Benziger, and Gütersloh: Gerd Mohn, 1982. 347 s.

Manoussakis 2016 – *Manoussakis J.P.* Hermeneutics and Theology // *The Blackwell Companion to Hermeneutics* / Ed. by N. Keane, Ch. Lawn. John Wiley & Sons, 2016. P. 530–538.

Ozankom 1994 – *Ozankom Cl.* Gott und Gegenstand: Martin Heideggers Objektivierungsverdikt und seine theologische Rezeption bei Rudolf Bultmann und Heinrich Ott. Paderborn. München: Schöningh, 1994. 239 s.

Pöggeler 2007 – *Pöggeler O.* Philosophie und hermeneutische Theologie: Heidegger, Bultmann und die Folgen. München: Wilhelm Fink, 2007. 313 s.

References

Fuchs, E. (1964), “The New Testament and the Hermeneutical Problem”, Robinson J.M. and Cobb J.B. (eds.), *The New Hermeneutic. New Frontiers in Theology II*, Harper & Row, New York, USA, pp. 111–145.

Jüngel, E. (1982), *Barth-Studien*, Gerd Mohn, Zürich and Köln, Germany.

- Konacheva, S. (2021), *Bytie. Svyashchennoe. Bog: Khaidegger i filosofskaya teologiya KhKh veka* [Being. The Holy. God. Heidegger and the philosophical theology of the 20th century], 2nd ed., RGGU, Moscow, Russia.
- Manoussakis, J.P. (2016), "Hermeneutics and Theology", Keane, N. and Lawn, C. (eds.), *The Blackwell Companion to Hermeneutics*, John Wiley & Sons, Chichester, UK, pp. 530–538.
- Ozankom, Cl. (1994), *Gott und Gegenstand: Martin Heideggers Objektivierungsverdict und seine theologische Rezeption bei Rudolf Bultmann und Heinrich Ott*, Schöningh, Paderborn, München, German.
- Pöggeler, O. (2007), *Philosophie und hermeneutische Theologie: Heidegger, Bultmann und die Folgen*, Wilhelm Fink, München, Germany.

Информация об авторе

Светлана А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; konacheva@mail.ru

Information about the author

Svetlana A. Konacheva, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; konacheva@mail.ru